

Нинэль ЛОГИНОВА

Из цыганского чемодана

Давным-давно на одной зрительской конференции я расхвалила спектакль "Горькая кровь" театра "Роман". Тогдашний главный режиссер Семен Баркан сказал при публике: "Вам — свободный вход в театр. На любой спектакль. В любой день".

Та и стала заведующей этого чудного (оба удараения годятся) театра. Записывала репетиции, сидела за кулисами и бросала эти билеты в старый кожаный чемодан. Так его и называла — "цыганский чемодан". Иногда что-то публиковала оттуда, чаще просто перечитывала записи. Никогда не выносила статься для международного обмена о цыганах, их истории, быте и искусстве. Не знаю, когда и где это издание выйдет. Но вот отрывок из моих воспоминаний.

Уже пора начинать репетицию, а зал заперт, у кого ключ — неизвестно. Стою в толпе актеров в вестибюле. Идет помарк, живописный Володя Райский, с ключом, отпирает. Выходим в темный душный зал. "Ой, чем это пахнет?" — ворчит Люба Шишкова. — "Артистским" — бросает ей мимоходом Райский. Цыганки хочут: "Уй, Володька, черт, бемка..."

Перед репетицией Баркан обычно обзвоняет события в мире. "А но Вытпине идет войну, убивают стариков и детей. — говорит он. В зале поют языкком: "Ну ты поймай, сука мериканца, со ев кэрла..."

Сегодня первая читка по ролям пьесы "Родился я в таборе" (Ром-Лебедев написал по рассказу Янгинина). Баркан: "Читай мало за столом, но мы давайте — в действия, активнее пойдете". Выхватывают телугу, узлы, прочий скарб. В деревне — пожар, к которому цыгане непричастны, но они бегут, так как все равно их обвинят. Под телугу садится Вася Туманский в рваном меховом жупете, и все заулыбались. "Всплески!" Это правда, покура и пота Васю сразу превращают выгорелую ой фрагмент табора. Волшебство какое-то. (Туманский — лучший тансир театра, "тихую" чечетку бьет минут десять, и актер органичный; когда-то его нашли в цирке и переманили). "Намотайте по больше детей!" кричит Баркан за кулисы. И проишу всех вспомнить детали быта, жесты? (Мне нравится, что глазеж учите у актеров). В телугу садится Соня Тимофеева, новая примadona театра (голос! грация!). Взяла мешок, как ребенка, накрыла концом своего платка, закурила.

Баркан дергает пугу к началу работы. Показывает Коле Сличенко на роль. Тот садится и играет (прекрасно, кстати!) увертюру на цыганские темы. Возникает исконная атмосфера. Актеры напрягались, смотрят влево — на зарево пожара. Попыло дымом.

Коля Сличенко (сорежиссер) дает указания, не выходя из образа: "Соня, когда телега поедет, сможешь встать в ней?" — "Запросто! Стойка у меня крепкая".

"Мамин!" — обращается Вита Янковский к Сантине Анисовой (справедливый театр, сестры Ром-Лебедева и моя подруга). Вася Туманский вылезает из-под телуги: "Почему мамин?" У нас нет "мамин". Говори "мамо", если ты ей сын, а ты ей никто". Астер Бизен заступается: "Можно, можно, у нас так к бабушке обращались". Причина этой перепалки в том, что все актеры — выходцы из разных

групп цыган, и нередко северные спорят с южанами, молдавские — с азиатскими о словечках, обрядах и бытовых

В перерыве сажу в буфете с Розой Джаджакэвой. Вот заводная! Говорит быстро и так же плылет, и голос чудный. Спустя годы встречу ее в Юрмале с мужем и грудным младенцем на "культуре" (так назывались поездки на тайные заработки у актеров); спрашиваю, а куда она девает пята на время концерта, отвечает: "Цыганка вывернется! Звоню 03, ой, ребеночку плохо, врачка — на порогу, а я бегом на концерт, а куда она денется, пусть сидит кайрулит, она ж на работе!" — "И что она говорит, когда ты возвращаешься?" — спрашиваю. "Ругается, а я ей конфеты в

ны Кинкина (юнает на актрису театр), за ним шли цыгане, и какие! Ловари! Это ж мотыловые люди. Война была, а они шли и держались за него крепко. Он что делал? То в авиачисте ловили, то лошадиный торгуют, то квартиры менял... Он не бандит, не жулик, он честный человек, он меной жил. А ваш Амеляшка слишком незаметный..." Лея Янковская (комическая актриса, тоже бывшая таборная, сейчас — жена драматурга Ивана Хрусталева; сидит в косинке по самые брови, очки на копчике носа, за пояс у нее заткнут целлофановый пакет, в нем тетрадка с ролью): "Ленину был незаметный человек, а за ним юн сколько людей шло..." Баркан бормочет: "Да, совсем незаметный был, маленький

... "От того медлительного мира казая сила была нужна!" "Это не собрание, а легкое сожалеение, что пришел", — делится со мной Вита Янковская. Вообще советские ритуальные мероприятия в "Роман" — отдельная песня. Когда я говорила друзьям, что еду с комсомольской соборания у пята, они начинали заранее смеяться не сочетались. А чего смешного? Вот комсорг Петя Демерт, груды в кружевках, вжигается к Мише Иоанову, сколько он учился в школе. "Двое детей, какая школа!" — отбывает Миша. Комсорг не отстает: "Ляно, плыни шесть классов, плыни среднего цыганского!" Петя уговаривает пойти в вечернюю школу, райком требует сводку. Миша: "Жись подтолкнет, пойдут". Комсорг: "Сама Муштаков, ты почему всегда в синяках ходишь?" Ответ: "Я в таком районе живу!"

...Месяц спустя репетиция той же пьесы. Баркан: "Вожак обманывает табор. Он сам верит в то, что плетет? Или он инстинкт и не особо скрывает правду? Что боится свойственно цыганам?" Голоса: "Сам поверил! Он должен соврать, но оправдаться! Он убил, а булет кричать, что его чуть не убили!" Миша Иоанов: "Цыган, когда честно заворачивает, не переубеждать".

Мы сидим с Сантиной за кулисами и сплетничаем. Она изумительная сплетница — ни когда ни о ком дурного слова! Зато о каждом — история. Мимо идет Боря Завиной, не дожидается Сантин. "Смотри, идет, голова до полу, на меня в обиде. Я рассказывала, как Яншин меня сплел про одного актера, где у него ййа. А я подумала, он в матазии купил, и от него везию". Не знаю, не видела". А Яншин говорит: "А они вообще то есть у него?" А Соня Тимофеева передает Боре, будто я про него сказала, что он без ним ирает". Смысл: "Он хороший, Боря Чистый". Спрашиваю, а какие еще бываю? "Темные бываю. Он тебе в глаза смотрит и думает, что с тебя взять можно. Да ну их! Вот кроме Боре еще Костя Анянзель — дыглы до мозга костей, но до чего бескорыстный! Перепрогать может, шкурки там или еще что, но почти без выгоды для себя, так, для интереса. Такая же и Соня Тимофеева. На вид она темная, на "бис" идет, как на дитрос, а поговорить — умятая. Вот я ее спросила, как Роза сыграла вчера. Соня сидит с сигаретой в длинных худых пальцах и говорит: "Ничего, Сантина. Но ведь пьеса райкоме ("барская", от "рай" — барин, то есть не из таборной жизни), здесь ско-

рее Роза Волпанинкова нужна, а не Роза". У меня глаза на лоб, не ожидала от Соны такого. А казая она притягательная, да? У моего отца в хоре была Лея Пякова — такая же. Худая, чахоточная, а голос из явкой груды — огромный, как у Соны, густой, низкий, непонятно, где помещается... Но у Соны — облачные таборные, а Лея была элитическая, как песня без слов. Еще есть родственная душа у Кости и Соны, это Монти Козибеев — чистый как слеза, а убить может. Зато не обманет". Сантина роется в сумке и начинает красить губы. "И так красивая", — говорит ей костюмерша, проходу нимо. Красной не была, а "облачные" на месте, я в зеркале проверяю", — отвечает ей 68-летняя Сантина, и она права.

Спелна за столом. Актеры чокаются. Миша Иоанов из зала: "Эй, эй, цыгане не чокаются! Из кружки льют на стол, палыцы махают и голову мочат, а не чокаются". Баркан: "Спасибо. Поехали дальше".

Лея Янковская — Ром-Лебедев: "Вань, отрежь от мосей роли чего-нибудь, а то длинная очень. И выброси фразу "Карты есть — работа найдется!" Надоело! 35 лет все в карты итраю!". Шура Кононов: "Хи! 35 лет! Больше итраю!" (намекать на возраст). Лея в шутку машет на нее: "Молчи, бешаи!" (последнее слово — "бешастная", "невежущая"). К Шура Кононовой оно не относится. Ее всегда сопровождают глазами, даже актеры — такая стать в ней. У нее здесь роль небольшая, но если она просто стоит на сцене, то держит "рисунки", картину, является осям всего. Такая же тайна — Коля Сличенко. Иногда он поет на репетиции в полный голос, и тогда все в театре затихает, все слушают. Потом тихо аплодируют. Другие тоже иногда распеваются, но такого эффекта нет. У Коли золотой тембр.

Типичный обмен репликами в "Роман".

— Саша Оглу, ты почему не поешь? — говорит Сличенко.

— Я пока, но я отнерутил, и тебе не видно.

В гостях у Сантин пьем чай по случаю установки ей телефона. Пронгу дайте номер, Сантина выдыхает: "Самой бы злы! У меня телефон цыганский, и тогда все в театре ко мне нет. Цыгане проволоч в стене нашли, аппарат прилодки и примотали. Костя Сличенко меня утешил: "Кто-нибудь по ошибке к тебе поладет, ты ему не хами, а вежливо спроси, какой он номер набирал". Рассказывает мне, как видела Шаляпина, Рахманинова. Горького. Есенина в отцовском хоре в Стрельне. Потом говорит: "Я заметила, что цыганские словечки записываешь. Вот тебе еще. Вчера одна актриса мне жалуется: "Вот здесь болит и болит. Пойшла к хирургу, черт поладит, а не хирург. Юбку мне задрал, смотрел-смотрел, ничего не нашу, говорит, все врешь! А я, Сантина, первый раз в жизни правду сказала!"

Утром вхожу в комнату административа, а Яков Иванович Лашкин (отец знаменитой Лашкиной) — он здесь заступой — обращается ко мне: Помогите расписание заполнить. Только пишите язык актерами не к "19 часам", как вы пишете, к "7 часам". У нас есть актеры, которые не понимают, что такое "19 часов".

■ Эта уникальная фотография сделана в 60-е годы кем-то из актеров. Театр "Роман" только что набрал студию для обучения талантливых цыган актерскому искусству. На снимке — Лея Черная (Надежда Сергеевна Хмельева) показывает студийцам, как надо играть соуру в таборе. Внизу сидит Дуфня Вишневский — здесь ему 13 лет, сейчас он — звезда цыганской эстрады. В середине — Гала Самкина, сейчас актриса театра. Вверху — Алеша Хмельев, сын Леи Черной, и Гога Александрович (Георгий Жемчужный — его выманил сценический псевдоним). Когда шел отбор и подорожки пела таборные песни, актеры рыдали в голос... 14-летнего Гогу Александровича спросили, почему у него обручальное кольцо на пальце, он только ответил: "Чтобы дочке не приставали".

руки, обнимаю и целую...". Однажды Розе досталась роль журналистки, берет интервью и что-то пишет, листая блокнот слева направо, и сказала ей, что так в Африке листают, она глаз вытаращила: "Какая раинца!" — "Мила рассмешила меня. (Ах, меня Роза, она искоре умрет молодой.) Так вот, сидим с ней в буфете, вдруг она хватает тарелку Рады Волпанинковой и сыплет ее гуляши с картошкой в мои сосиски с макаронами: "Съешь, золотая. Рада не пришла, а тебе поправляться надо, а мне бежать пора". Видя мое замешательство, добавляет: "Цыганское ассорти".

После перерыва обсуждают репетицию. Луценко: "Амеля плохо написана. Не пойдет за ним табору". Баркан: "Почему. Докажи". Луценко: "Это не докажешь. Я чувствую! Тип дружок. Вот отец Зи-

такой..." Вася Туманский (говорит очень важно, вообще любит высказаться умно): "У этого табора социальное убеждение". Обращается к Баркану, кивает на актеров: "Они не способны понять". Баркан неопределенно кивает. У него жуткая задача — внушить азы системы Сталинского и общей схоластики актерам, которые говорят вроде бы по-русски, но ядром бы и нет. Все слова густо окрашены — эмоционально, житейски, еще как-то. Вот актриса на профессиональном собрании, воздер руки к потолку, трагическим голосом вопрошает: "Есть ли человечество в этом театре?" — но все понимают, что она имеет в виду "человечность" и что ей не дали места в обещании. Старый актер не может найти свою реплику и петрел, же, пауза затянулась, Марика Балаан говорит в пространст-

... "Они вообще то есть у него?" А Соня Тимофеева передает Боре, будто я про него сказала, что он без ним ирает". Смысл: "Он хороший, Боря Чистый". Спрашиваю, а какие еще бываю? "Темные бываю. Он тебе в глаза смотрит и думает, что с тебя взять можно. Да ну их! Вот кроме Боре еще Костя Анянзель — дыглы до мозга костей, но до чего бескорыстный! Перепрогать может, шкурки там или еще что, но почти без выгоды для себя, так, для интереса. Такая же и Соня Тимофеева. На вид она темная, на "бис" идет, как на дитрос, а поговорить — умятая. Вот я ее спросила, как Роза сыграла вчера. Соня сидит с сигаретой в длинных худых пальцах и говорит: "Ничего, Сантина. Но ведь пьеса райкоме ("барская", от "рай" — барин, то есть не из таборной жизни), здесь ско-